

Виталий Егоров

РАСКРЫТЬ СВОЕ УБИЙСТВО

Повесть, основанная на реальных событиях

Виталий Михайлович Егоров

Раскрыть свое убийство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69458344

SelfPub; 2024

Аннотация

В городе происходит череда ужасных убийств. Оперативный сотрудник уголовного розыска Каприн приступает к расследованию, но быстро понимает, что перед ним стоит почти неразрешимая задача. Он страдает от бессильной злобы, его мучают угрызения совести, он испытывает чувство вины перед родными жертв преступников, но внезапно свалившаяся любовь помогает оперативнику установить, кто есть кто.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виталий Егоров

Раскрыть свое убийство

Часть первая

Убийство в гараже. Маша.

1

Весенним майский вечером, когда в коридорах городского отдела милиции стало немного тише от будничной толкотни и суеты, в актовом зале проходил товарищеский суд чести. На повестке – рассмотрение персональных дел оперуполномоченных уголовного розыска Каприна и Сологубова в связи с проступком, порочащим честь и достоинство сотрудника внутренних дел.

Кворум заседания состоялся, виновные, с трепетом ожидая своей участи, скромно примостились на скамье в переднем ряду полупустого зала, присутствующие шушукались в предвкушении захватывающего представления.

Старшая отделения инспекции по личному составу, она же секретарь суда Кормухина, немолодая суховатая женщина, призывая к вниманию собравшихся, постучала костяш-

ками пальцев по столу и объявила:

– Товарищи, успокаиваемся и начинаем заседание товарищеского суда чести. Сегодня мы рассматриваем дела работников уголовного розыска старшего лейтенанта милиции Каприна Семена Сергеевича и лейтенанта милиции Сологубова Владимира Петровича. Чтобы ввести всех в курс дела, что натворили эти, с позволения сказать, правоохранители, я зачитаю рапорт сотрудника патрульно-постовой службы сержанта милиции Маркова...

С этими словами она бросила выжидательный взгляд в сторону председателя суда, старого седого кадровика Щедрова в полковничьем звании, и, получив от него утвердительный кивок, мол: «Начинайте, давно уже пора», открыла папку и стала излагать содержание рапорта милиционера:

«26 апреля текущего года я находился на охране общественного порядка в церкви во время празднества по случаю Пасхи. Во время несения службы ко мне подошел работник церкви и сообщил, что двое подвыпивших граждан мешают проведению обряда, громко поздравляют прихожан словами: «Иисус Христос!» и «Воистину Христос!», тем самым ставят Батюшку в неловкое положение. Я подошел к этим гражданам и опознал в них сотрудников уголовного розыска, поэтому попросил их покинуть территорию церкви. Они не вняли моим просьбам, а продолжали поздравлять прихожан теми же возгласами «Иисус Христос!»... По их внешнему виду я понял, что они в нетрезвом состоянии и, что они

не собираются подчиняться мне, поэтому по рации вызвал дежурного офицера. Вскоре прибыл дежурный и вывел этих сотрудников с территории церкви. Позже я узнал, что их фамилии Каприн и Сологубов».

Кормухина обвела зал строгим взглядом, уничтожающе глянула на провинившихся и продолжила:

– В деле имеется рапорт дежурного Петрова о том, что он свозил Каприна и Сологубова в наркологический диспансер, где засвидетельствовали у обоих алкогольное опьянение. От церковных служителей письменного заявления не поступило, но там устно объяснили, что сотрудники милиции своими выходками, выразившимися в неправильном приветствии прихожан в честь светлого религиозного праздника, оскорбляют чувства верующих.

Кормухина отложила папку в сторону и обратилась к председателю:

– Товарищ полковник, я предлагаю послушать, что скажут виновные в свое оправдание.

Щедров важно кивнул, коротко бросив:

– Пусть объясняются.

Секретарь указала пальцем на Каприна и скомандовала:

– Встаньте и объясните свой поступок.

Каприн, молодой чернявый мужчина, тяжело вздохнул и, встав на ноги, виновато изъяснился:

– Ответственности с себя не снимаю. Признаюсь – выпи-

ли в честь Пасхи и решили поздравить верующих, но как-то вышло неловко...

– А вы-то тут при чем? – усмехнулся Щедров. – Верующие? Зачем приперлись в церковь, да к тому же в нетрезвом состоянии?

– Нет, – мотнул головой подсудимый, – не верующие, но сочувствующие. Да, выпили, это я не отрицаю.

– Хе, хе, «сочувствующие», – передразнил его председатель суда. – И вы решили, что ваше сочувствие очень уж необходимо прихожанам, чтобы радостно встретить свой светлый праздник. Кстати, как вы их поздравляли?

– Иисус Христос, – покраснел Каприн.

– А как надо было? – решил испытать его Щедров. – Знаешь церковные правила?

– Теперь-то знаю, – почесал затылок оперативник, – надо было «Христос воскрес!»

– А как отвечал на приветствие твой коллега? – смешливо поинтересовался полковник.

– «Воистину Христос», а надо было «Воистину воскрес»... Товарищ полковник, откуда нам все это знать, мы люди советские, к этому не приученные. Да и в церкви мы впервые, раньше никогда не приходилось там присутствовать.

– А знаете, дорогие мои, что ваши выходки тянут на статью за оскорбление чувств верующих? – нахмуренно заметил председатель суда. – Вот до чего доводит пьянство.

– Еще и Батюшку за рясу дергали, – с ехидцей вставила слово Кормухина. – Какой-то позор...

– Никого мы не хотели оскорблять, – досадливо развел руками Каприн, – наоборот, хотели выразить уважение к верующим и поздравить их со светлым праздником. А Батюшку мы не дергали за рясу, а пытались взять за руку, чтобы получить от него благословение и удачу.

– Удачу в чем? – усмехнулась Кормухина. – Чтобы подогнали спиртное на ковре-самолете и напиться до поросычьего визга?

– Зачем вы так говорите? – нахмурился оперативник. – Мы что, горькие пьяницы? Хотели, чтобы священник послал нам везение в раскрытии преступлений.

– Я знаю, что говорю! – вызывающе отреагировала секретарь суда. – К нам поступают сигналы, что вы злоупотребляете спиртным...

Кормухина вдруг осеклась, распираемая какой-то догадкой, выдержала многозначительную паузу и, щурясь, вкрадчивым голосом обратилась к залу:

– Уж не берут ли они взятку? Откуда у них деньги на водку?

– Ну вы скажете тоже! – оторопело воскликнул Козлов, заместитель начальника уголовного розыска, он же член товарищеского суда. – Тогда, получается, что мы тут все взяточники?! Чтобы найти выпить, не обязательно брать мзду, такое утверждение – глупость, как раз те, кто не пьют и бе-

рут взятки. А товарищам, если не умеют пить, надо с этим делом завязывать. Надо же, докопались до попа, такого у нас еще не было!

– Это вы на кого намекаете, Николай Иванович? – огрызнулась Кормухина. – Мы, что ли, взяточники? Развели круговую поруку, потому-то подчиненные почем зря нарушают дисциплину.

– Ни на кого не намекаю, это вы первая заговорили про алкоголиков-взяточников, – мотнул головой Козлов. – А я никого не покрываю, пусть отвечают за содеянное. Но одно хочу сказать: Каприн и Сологубов как оперативники хорошие сотрудники, только в этом году имеют ряд раскрытий тяжких преступлений, в том числе убийств. А с выпивкой, повторяю, им надо заканчивать, до добра это не доведет.

– Вот именно! – вызывающе воскликнула секретарь. – А то тут некоторые, прикрываясь работой, позволяют себе вольности. У нас не шарашкина контора, а полувоенная организация, где порядок – прежде всего!

Щедров, внимательно слушавший словесную перепалку между членами суда, решил, что пора вмешаться в спор и, стукнув ладонью по столу, объявил:

– Достаточно, мы слышали ваши мнения и приняли их к сведению. Давайте, заслушаем второго нарушителя дисциплины и определим в отношении обоих меры наказания.

Когда Сологубов закончил свой рассказ, который он изложил честно, без всяких прикрас, начались прения. Мнение

зала разделилось на две половины – на тех, кто за подсудных, и на тех, кто требовал сурового наказания, с небольшим перевесом в сторону последних. В конце бурного обсуждения Щедров взял слово:

– Конечно, история неприглядная. Сотрудники милиции, вместо того, чтобы продемонстрировать народу свою дисциплинированность и пристойное поведение, показали себя с самой наихудшей стороны. Николай Иванович говорит правильно – все наши беды от зеленого змия. Конечно, можно было бы походатайствовать перед руководством отдела об увольнении провинившихся сотрудников из органов внутренних дел. Но есть одно «но». Вышеназванные сотрудники уголовного розыска по месту службы характеризуются положительно, имеют хорошие показатели в работе, что тоже немаловажно для определения степени их виновности...

Докладчик широко и сердито развел руками и продолжил:
– ...действительно, если мы сейчас всех разгоним, то кто будет работать, особенно на таком ответственном участке, как раскрытие убийств? Сейчас время такое, что многие уходят из милиции, мы каждый день недосчитываемся настоящих профессионалов и крепких оперативников, поэтому надо бережно относиться к кадровому составу оперативных подразделений...

Щедров на минуту замолк, перебирая на столе разбросанные документы и, бросив снисходительный взгляд на виновных оперативников, вынес свой вердикт:

– Итак, я предлагаю старшему лейтенанту Каприну объявить о неполном служебном соответствии, а лейтенанту милиции Сологубову – строгий выговор с занесением в личное дело. Другие предложения будут?

Других предложений не поступило, и товарищеский суд закончил свою работу.

Уже в своем кабинете Козлов, пригласив к себе виновных, приободрил их словами:

– Ничего, ничего, не расстраивайтесь из-за каких-то взысканий. Сегодня они есть, а завтра – их нет. Вот раскройте мне какое-нибудь убийство, и я костыми лягу перед начальником отдела, чтобы с вас сняли эти наказания.

– Раскроем, не впервой, – улыбнулся Каприн и поблагодарил руководителя: – Николай Иванович, спасибо за поддержку, а то чуть не подвели под увольнение.

– Да полно меня благодарить, – смеясь, махнул рукой Козлов, – кому как не мне защищать своих подчиненных. Если вас всех разгонят, кто мне будет раскрывать преступления? Так что я забочусь больше о себе, чем о вас.

Прежде чем отпустить оперативников, Козлов, грозя пальцем, напутствовал:

– Больше мне не попадайтесь по пьяни. Опера должны пить тихо и молча.

Семен Каприн попал в милицию случайно. Окончив университет по гражданской специальности, он по направлению деканата должен был выехать в далекий захолустный городок, чтобы там начать свою трудовую биографию. Душа не лежала к выбранной профессии, перспектива жизни в глухой провинции его не прельщала, поэтому он стал всячески тянуть с выездом в этот забытый богом край земли.

Однажды, когда он уже полгода сидел без работы, ему позвонили с деканата и настоятельно порекомендовали выехать по месту назначения, в противном случае грозились аннулировать диплом о высшем образовании. Каприн понимал, что с родной альма-матер беспокоят его больше для острастки, что нет такого закона отбирать дипломы у выпускников, но, тем не менее, задумался.

А тем временем на Чернобыльской атомной электростанции произошла авария и по всему Советскому Союзу набирали добровольцев для устранения этой ужасной катастрофы.

Каприн решил воспользоваться случаем, чтобы посмотреть страну, отвлечься от рутины, обзавестись новыми друзьями, и однажды, это было в начале июня, он явился в городское бюро по трудоустройству. Его встретила женщина

средних лет в строгом костюме, которая поинтересовалась:

– Вы по какому вопросу, молодой человек? По трудоустройству?

– В какой-то степени да, – кивнул он, – мне бы наняться на ликвидацию аварии в Чернобыле.

– Так вы обратились не по адресу, мы не набираем добровольцев, – ответила ему женщина. – Вам, наверное, нужно обратиться в военкомат. Вы военнообязанный?

– Да, лейтенант, с военной кафедры, – ответил он и переспросил: – Значит, говорите, в военкомат?

– Лейтенант, – задумчиво произнесла женщина и, вспомнив о чем-то, поинтересовалась: – Молодой человек, а не хотите работать в милиции?

– В милиции?! – оторопел он от неожиданности. – Никогда не думал об этом...

– Ко мне приходили с отдела кадров городского отдела милиции и попросили помочь с укомплектованием личного состава, – объяснила она. – У них большая текучка кадров, поэтому рекомендовали всех бывших военных, которые обращаются к нам в поисках работы, направлять в милицию.

– Я не бывший военный, – пожал плечами Каприн, – скорее, я бывший студент.

– Не важно, – махнула рукой женщина, – главное, у вас имеется воинское звание.

– Хорошо, куда мне идти?

Получив адрес отдела кадров городского отдела милиции,

Каприн направился туда.

Его встретил тот самый Щедров, провел беседу, выдал все необходимые бланки для заполнения, и через месяц новоиспеченный лейтенант милиции поступил работать в городской уголовный розыск.

Прошло несколько лет, и вот он уже один из результативных и опытных оперативников уголовного розыска. Его отличало от многих какое-то непостижимое рядовому оперативнику умение общаться с подозреваемыми, он мог своими долгими разговорами вывести на чистую воду почти любого преступника. Бывало, задержанный по подозрению в страшном преступлении человек, уже в камере заключения рвал на себе волосы, приговаривая: «И зачем я ему все это рассказал?! У них же ничего не было против меня! Сам себя подвел под расстрел!»

Природное красноречие и коммуникабельность позволяли ему иметь успех среди представительниц слабого пола. Сам он был чуть выше среднего роста, чернявый и далеко не Аполлон, но каким-то известным только ему способом завоёвывал сердца красавиц, вызывая зависть у менее везучих на любовном поприще, коллег. Влюбчивый по натуре, он никогда не оставлял попыток познакомиться с какой-нибудь симпатичной девушкой, если таковая попадалась ему на пути. Когда происходило какое-нибудь празднество, куда приглашались оперативники, Каприн обязательно выискивал среди гостей жертву своего обаяния и окружал ее вниманием.

В такие моменты друзьям общаться с ним бесполезно – он всецело отдан во власть любви, ненавязчиво и умело опекая свою прекрасную избранницу. Он весь вечер танцует с ней, нежно нашептывая на ушко какие-то возвышенные комплименты, а в конце вечера пара выглядит так, словно навсегда связана крепкими узами супружеской жизни. Когда гулянье подходит к концу, коллеги провожают Каприну восторженным взглядом, когда тот нежно обняв за талию свою новую пассию, удаляется с вечера. Но все эти знакомства были сиюминутными, не пройдет и недели, как нашего чересчур любвеобильного героя можно застать в компании другой, не менее симпатичной девушки.

Пройдет немного времени, и чрезмерная увлеченность оперативника прекрасным полом сыграет с ним злую шутку.

Итак, в начале июня накануне выходного дня Каприн ночью поднял дежурный по городу и сообщил о совершенном убийстве, приказав срочно явиться на работу. Когда он, запыхавшись, прибежал в отдел, его уже дожидался Козлов, который, позевывая, хмуро бросил:

– Едем на место происшествия. Следственно-оперативная выехала.

Уже сидя в машине, Каприн поинтересовался:

– Николай Иванович, что случилось?

– Убили коммерсанта, некоего Шамаева, – с той же хмурой ответил Козлов и посетовал: – Что за напасть такая, даже в выходные нельзя по-человечески отдохнуть!

Вскоре оперативники оказались возле частного металлического гаража, расположенного на отшибе за пятиэтажными каменными домами. Возле гаража стояли несколько человек, следовательно прокуратуры уже начал осмотр места происшествия. Поручив эксперту-криминалисту сфотографировать снаружи строение, следователь приказал открыть ворота, и перед всеми открылась жуткая картина трупa, лежащего на полу в луже крови. Тут послышался крик отчаяния, и женщина средних лет, прижав к груди молодую девушку, стала заунывно плакать.

«Наверное, жена и дочь потерпевшего, – решил Каприн, разглядывая скорбящих и поневоле подумал: – А девушка, между прочим, довольно мила».

Переместившись во внутрь гаража вслед за работником прокуратуры, оперативник заметил, что одна из глазниц покойного представляет из себя зияющую дыру, откуда и вытекла кровь, образовав вокруг головы потерпевшего большую лужицу.

Повозившись с трупом, судебный медик изрек:

– Скорее всего, огнестрельное ранение из дробовика с близкого расстояния. Возможно, из обреза охотничьего ружья.

– Значит, огнестрельное ранение? – переспросил оперативник у эксперта. – Есть тому подтверждение?

– А все налицо, гадать нечего, – уверенно ответил криминалист, щелкнув фотоаппаратом труп. – Выстрел с близкого

расстояния, и, что характерно, дробовой заряд пошел кучно, но некоторые дробинки отклонились и пробили надбровную дугу потерпевшего.

– Поняятно, – протянул Каприн. – Будем ждать вскрытия.

– Да, да, подождем вскрытия, – кивнул судебный медик, продолжая колдовать над трупом. – Если есть желание по-присутствовать во время исследования трупа, приходите в морг в десять утра.

– Обязательно приду, – пообещал оперативник и поинтересовался: – Не самоубийство?

– Не похоже, – мотнул головой эксперт-криминалист. – Рядом бы валялось орудие убийства себя, а его, как мы видим, нет. Однозначно, тут криминал, так что не теши себя надеждами, а готовься к поиску преступника.

– Как я вижу, никаких следов преступник не оставил, – огорченно произнес оперативник. – Кого тут искать?

– В любом деле есть следы преступления, – задумчиво произнес эксперт. – Просто надо хорошенько поискать.

– А давность смерти?

– Примерно шесть-семь часов назад, – ответил судебный медик, нащупав рукой живот покойного. – Получается, в девять-десять вечера.

– Замок на воротах? Не вскрыт? – поинтересовался Каприн.

– Внутренний замок целый, на ригеле нет следов механи-

ческого воздействия. Скорее всего, он сам открыл ворота, – ответил ему криминалист.

Потоптавшись возле трупa, Каприн вышел наружу, предварительно предупредив экспертов:

– Вы тут поищите, а я пойду, посмотрю на улице. Может быть, там преступник оставил свой след.

Было четыре утра, уже светало, возле гаража никого не было. Он обошел близлежащую территорию, пристально вглядываясь под ноги в надежде найти хоть какую-то улику, и лицом к лицу столкнулся с Козловым, который резко вынырнул из-под дома на сваях.

– Уф, испугали меня, Николай Иванович! – выдохнул оперативник, поневоле отпрянув в сторону. – Вы откуда?

– Испугался, думал, что злодея поднял из лежбища?! – громко рассмеялся руководитель и объяснил свое отсутствие: – Проводил жену и дочь потерпевшего до квартиры, мельком поговорил с ними. Короче, запутанная история, они даже не представляют, что могло случиться. Ты вот что: сходи к ним в тридцать девятую квартиру и подробно допроси обеих под протокол. А я тем временем посодействую следователю прокуратуры, порыщу на местности, а потом мы все придем к тебе, чтобы провести осмотр квартиры.

Все это время дочь потерпевшего не выходила из головы у Каприна, даже в такой трагический для девушки момент он хотел с ней пообщаться, утешить словами, поэтому радостно воскликнул:

– Есть допросить! Получается, это на пятом этаже?

– Да, на пятом, – кивнул Козлов и, зная слабость своего подчиненного, пригрозил пальцем: – Ты смотри у меня, без всяких там фокусов – хороша Маша, да не наша.

– А ее зовут Маша? – спросил опер, широко улыбнувшись от того, что старший походя раскусил его сокровенные планы.

– Маша, Маша, Мария Евгеньевна, – хихикнул Козлов и приказал: – Что стоишь? Иди уж допрашивать.

3

Так же, как и Козлов, нырнув под здание, Каприн оказался с лицевой стороны пятиэтажного дома и направился ко второму подъезду. Дверь открыла та самая девушка, которая стояла с матерью возле гаража. Глаза у нее были опухшие от слез, на вид ей можно было дать лет двадцать. При свете лампы оперативник еще раз убедился, что девушка действительно хороша: правильные черты лица, нежно-зеленые глаза, светлые волнистые волосы, ниспадающие до плеч, под толстым домашним халатом, небрежно наброшенным на плечи, незримо ощущался стройный девичий стан.

Волнительно кашлянув в кулак, оперативник поинтересовался:

– Вы Мария Евгеньевна?

– Да, Маша, – удивленно вскинула она голову. – Откуда вы меня знаете?

– Я из милиции, зовут меня Семен Сергеевич Каприн, – представился он. – Значит, к вам можно обращаться по имени?

– Да, да, конечно, зовите просто Машей, – кивнула она и поинтересовалась: – Вы следователь?

– Нет, я с уголовного розыска.

– А разве это не одно и то же? – вопросительно глянула она на оперативника.

– Нет, это разные службы. Вскоре сюда придет следователь прокуратуры, мы работаем с ним в паре.

– Теперь буду знать, – наконец краешком губ улыбнулась девушка. – Тут нас сопровождал дядечка в кожаном пиджаке. Он и есть следователь?

– Нет, это мой начальник, его фамилия Козлов. А следователь сейчас проводит осмотр места происшествия и, как я уже сказал, вскоре явится сюда.

При упоминании о гараже, где был убит ее отец, на глаза девушки вновь навернулись слезы, и она, вытирая их платком, спросила:

– Вы хотели о чем-то спросить у меня? Об отце?

– Да, я хотел бы допросить тебя и маму, – ответил ей Каприн. – Кстати, где она?

– Она легла, ей плохо. Приезжала скорая, поставили

укол...

Девушка потопталась в нерешительности на месте и поинтересовалась:

– А зачем нас допрашивать? Мы что-то сделали не так?

– Да нет же, – махнул рукой Каприн. – Это официальная процедура, когда случается такая трагедия. Мы обязаны всех, кого знал потерпевший при жизни, допросить.

– Ааа, тогда понятно, – протянула она и предложила: – Проходите, пожалуйста, в зал, но только одна просьба: не беспокойте пока маму, все, что она знает о папе, знаю и я и готова ответить на все ваши вопросы.

– Хорошо, не буду беспокоить, – ответил ей оперативник, проходя в зал, где ему предложили сесть на диван, обтянутый бежевым велюром.

Каприн оглядел помещение и отметил про себя, что здесь живет семья с достатком: модная стенка того же бежевого цвета, добротные ковры на стене и на полу, хрусталь, японский телевизор «Шарп», который только стал появляться в городе и был непозволительной роскошью для многих жителей, рядом магнитола той же марки...

«Интересно, где они набрали все это добро? – думал оперативник, прежде чем приступить к допросу молодой хозяйки. – Коммерсанты или работают в торгпредставительстве?»

Девушка пододвинула к Каприну журнальный столик на колесиках, а сама села напротив на плетеное кресло.

Опер открыл папку и вытащил оттуда чистый бланк про-

токола допроса, расписал шариковую ручку, но потом, пере-
думав, попросил:

– Сначала расскажи, а потом все твое повествование за-
несем в протокол.

Вдруг из дальней комнаты послышался женский крик:

– Маша, с кем ты разговариваешь?

Девушка вскочила на ноги и, шепнув мимоходом: «Это
мама», покинула зал. Вскоре она появилась в сопровожде-
нии женщины, которую поддерживала под руку, и познако-
мила ее с оперативником:

– Моя мама, зовут ее Валентина Васильевна.

Женщина тихо опустилась на кресло и, разглядывая опе-
ративника, спросила:

– Молодой человек, вы из милиции?

– Да, из милиции, – утвердительно кивнул Каприн. – Ма-
ше я все объяснил.

– Маше? – удивленно проговорила женщина. – Вы знаете
друг друга?

– Мама, это я разрешила называть меня «Машей», – раз-
драженно бросила дочь. – Я не так стара, чтобы меня назы-
вали по имени и отчеству.

– Однако, – осуждающе покачала головой мама и протя-
нула оперативнику руку: – Молодой человек, покажите ваше
удостоверение.

Изучив документ, она осведомилась:

– Какие вопросы вас интересуют?

– Все, что связано с личной жизнью потерпевшего, то есть вашего супруга: чем занимался, кто у него были друзья, взаимоотношение в семье, были ли у него враги... В общем, меня интересует все, что помогло бы раскрытию преступления.

Девушка расположилась рядом с мамой на пуфике, и они, дополняя друг друга, стали рассказывать о главе семейства:

– Со своим мужем Евгением Петровичем Шамаевым мы соединились в семидесятом году. Муж тогда работал в авиатроюде, и через три года нашей совместной жизни нам дали вот эту квартиру...

Хозяйка обвела рукой зал, погладила дочь по спине и продолжила:

– Когда мы переехали сюда, Машеньке было всего два годика. Жили хорошо, муж сначала пилотировал на АН-24, а потом пересел на «Тушку», летал по маршрутам: Владивосток, Хабаровск, Иркутск, и даже в Москву и Краснодар. Когда Маша окончила школу, отец решил уйти с работы, так как там перестали нормально платить зарплату, заставляли работать сверх нормы, в коллективе воцарилась нездоровая обстановка. Итак, когда Маше исполнилось семнадцать лет, отец ушел с работы...

– Не семнадцать, а шестнадцать, – поправила маму дочь. – Я окончила школу в шестнадцать.

– Не столь это важно, – помахал рукой Каприн. – Продолжайте рассказывать, чем занимался муж, когда лишился основной работы.

Женщина стала рассказывать, оперативник, пропустив ее слова мимо ушей, поневоле переключил свое внимание на девушку.

«Как она хороша! – думал он, вглядываясь в ее лицо. – В ней есть что-то такое непостижимое уму, ее фантастическая привлекательность не присуща многим девушкам... На такой можно и жениться. Эх, хороша Маша, да не наша!»

Каприн не был женат и, как было отмечено выше, к любви и к созданию семьи он относился довольно легкомысленно. Но сидящая перед ним девушка выпадала из общего ряда его мимолетных подруг, вся ее манящая внешность подсказывала, что с такими, как она, отношения могут быть только серьезными и настоящими.

Оперативник вздрогнул от громкого оклика женщины:

– Молодой человек, вы меня слушаете?

– Да, да, слушаю. Итак, где, говорите, он работал?

– Да я же уже сказала, – недовольно поворчала она. – Пошел в коммерцию.

– Расскажите, в чем заключалась его коммерция?

– Папа возил аппаратуру... – начала было рассказывать дочь, но мама прервала ее, сделав знак ладонью:

– Маша, не торопи события, дай мне изложить все по порядку. Лучше иди на кухню, приготовь чай для работника милиции.

Сопроводив взглядом дочь, женщина приступила к рассказу:

– У него остались связи во Владивостоке, как раз там его друг, тоже бывший летчик, открыл совместное предприятие «Альянс» по импорту японской и корейской продукции, и Женя начал возить сюда аппаратуру и бытовые приборы. Дела у мужа пошли сразу в гору, качественная иностранная вещь нужна всем. Он арендовал помещение, нанял продавцов и стал торговать...

– Теперь понятно, откуда у вас «Шарпы», – догадался оперативник. – Значит, занимался коммерцией вплоть до вчерашнего дня?

– Да, уже четыре года, как стал коммерсантом, – грустно промолвила женщина и вытерла ладонью навернувшиеся слезы.

– У вас имеется машина?

– Да, иномарка. Муж из Владивостока пригнал в этом году весной.

– Какой марки и модели, какого цвета?

– Вишневая. А вот в марках автомашин я не разбираюсь.

– Где она?

– Во дворе дома.

– В гараже не ставили?

– Нет, там папа хранил товар, – ответила за маму дочь, которая появилась в дверях с подносом, на котором была водружена чашка чая и печеньки на блюдечке. – А марка машины «Тойота Кариб».

– И где же весь этот товар? – спросил Каприн, принимая

поднос из рук девушки. – В гараже я ничего подобного не заметил.

– Вчера полностью вывез в магазин. На днях он ожидал новую партию товара, поэтому освободил помещение, – ответила дочь.

– Понятно, – кивнул оперативник, надкусывая печенье и запивая чаем. – Значит, версия грабежа отпадает.

– Ой, его хотели ограбить?! – схватилась за щеку девушка. – Кто?!

– Пока мы об этом не знаем, – покачал опер головой и, глядя на нее, непроизвольно подумал:

«Безумно приятно из ее рук пить чай. Только ради этого я готов здесь остаться навсегда!»

Почувствовав к себе интерес, девушка сердито засопела и отвернулась в сторону.

– Хотели ограбить, – простонала хозяйка. – Это рэкетеры, они наезжали на Женю.

– Так, так, значит, наезжали рэкетеры, – насторожился Каприн. – Расскажите подробно про этот случай.

Женщина хотела было приступить к рассказу, но внезапно схватилась за сердце и, положив руку на колени дочери, ослабевшим голосом попросила:

– Доченька, отведи меня в комнату, я чувствую себя достаточно плохо. А всю историю, связанную с этими рэкетерами, ты знаешь лучше меня, расскажи об этом товарищу милиционеру.

Оставшись вдвоем, Каприн с удовольствием откинулся на спинку дивана и, допивая чай, похвалил молодую хозяйку:

– Маша, у тебя такой вкусный чай! Ты обладаешь каким-то секретом приготовления этого изумительного напитка?

– Ладно, не хвалите меня почему зря, – нахмурилась девушка. – Чай как чай, ничего необычного в нем нет. Итак, рассказать вам о наезде рэкетиров на папу?

– Да, я весь во внимании.

– Это было примерно месяц назад. Однажды папа пришел домой в расстроенных чувствах и рассказал, что к нему в магазин приходили бандиты и предложили «крышу»* (покровительство). Они требовали ежемесячно отчислять им двадцать процентов от выручки, в противном случае угрожали расправой и разорением дела. Папа сразу не дал согласие, пообещал подумать, и бандиты дали ему три дня на размышление. Предупредили, что, если обратится в милицию, ему несдобровать. На следующий день он позвонил своему другу, директору фирмы «Альянс» и рассказал о своей проблеме. Друг пообещал помочь, а через день эти бандиты пришли к папе и извинились за свой поступок. Оказывается, от ка-

кого-то «вора в законе», который держит весь Дальний Восток, позвонили этим бандитам и предупредили, чтобы моего папу никто пальцем не тронул, а те перетрусили и сразу прибежали извиняться.

– Ничего себе ты в курсе криминальных событий! – восхищенно заметил Каприн. – Кто тебе все это рассказал?

– Папа, конечно, – пожала плечами она. – Да и одноклассник у меня тусуется среди бандитов, он слышал про этого «вора в законе».

– А как зовут твоего одноклассника? Может быть, я его знаю.

– Не хочу я про него говорить, – мотнула она головой. – Они этого не любят, когда про них рассказывают другим, тем более это к делу не относится.

– Они – это кто?

– Ну бандиты, с которыми тусуется мой одноклассник.

– Тогда скажи, когда он рассказывал про этого «вора».

– Спустя неделю после того случая, когда папа уладил проблему с бандитами, я случайно встретила с одноклассником и рассказала эту историю. Он тогда подтвердил, что этот «вор в законе» держит весь Дальний Восток.

– А теперь, Маша, расскажи, кто такие те бандиты, которые наезжали на твоего отца.

– Я точно не знаю, но папа говорил, что это группировка какого-то Чепика.

Банда Чепика была известна уголовному розыску. Члены

этой преступной группировки были одними из первых рэкетиров, орудовавших в городе. Промышляли они и наркотиками, не гнушаясь «крышеванием» проституток и их сутенеров. Главарь банды Чепиков Вадим еще в советское время неоднократно отбывал наказание в колонии за грабежи и разбои. С развалом страны «перекрасился» в добропорядочного предпринимателя и мецената, но свои привычки не бросил, исподтишка занимаясь криминалом. Его группировка состояла из десяти-двенадцати человек, большинство из которых когда-то отбывали сроки в местах лишения свободы.

– Знаю про таких, – усмехнулся оперативник. – Приходилось сталкиваться, но тогда не смогли им ничего доказать. Сейчас представляется прекрасная возможность проверить их на причастность ко многим преступлениям, в том числе и к убийству твоего папы.

– Ой, а они могли убить папу? – вздрогнула девушка. – А как же «вор в законе», который их предупреждал? Они могли его послушаться?

– Ничего исключить нельзя. Они могли затаить на отца злобу и таким образом отомстить. А если со стороны «вора» и захотят им предъявить претензии, они скажут, что это не их рук дело. Это же такие люди, они способны на все.

– Как страшно, – всхлипнула она. – Зачем папа связался с ними?

– А ничего нельзя было сделать, все коммерсы * (коммер-

санты) под бандитами, и для меня даже странно слышать, что твой отец за четыре года впервые встретился с рэкетирами... Теперь, Маша, расскажи, кто и как обнаружил труп отца.

Глядя на зардевшиеся щеки девушки, припухлые губы, заплаканные глаза, Каприн думал:

«Девушка прекрасна даже в горе... Интересно, свободна ли она? Этот одноклассник... Не встречаются ли они? С ее слов, вроде бы, нет. Постой, я что, уже начинаю ее ревновать?.. А как было бы здорово закрутить с ней роман! Все, все, не думай об этом в такой трагический для нее момент – всему свое время».

Оперативник твердо решил для себя, что когда-нибудь обязательно попробует завести с девушкой отношения.

– Дело было вчера где-то около одиннадцати с половиной вечера, – стала рассказывать Маша. – Папы долго не было дома, мама стала беспокоиться и, в очередной раз выглянув в окно, воскликнула: «Машина-то стоит во дворе!»

Я тоже выглянула в окно и убедилась, что папина машина стоит на том самом месте, где он обычно оставляет ее во дворе. Подождав полчаса, мама мне говорит: «Иди, сходи в гараж, может быть, он разгружает товар». Папа действительно ждал поступления новой партии аппаратуры, поэтому мы решили, что он может находиться в гараже. Наши окна выходят на сторону двора, мы не могли визуально убедиться, что он находится в гараже, поэтому мама и поручила мне сбегать и все разузнать. Я под сваями перешла на тыльную сторону

дома. Ворота гаража были прикрыты, я дернула ручку...

Тут девушка, закрыв лицо руками и, вздрагивая плечами, стала плакать. Оперативник, привстав с дивана, взял ее за руку и крепко сжал, утешая словами:

– Маша, крепись. Теперь уже ничего не поделаешь, отца уже не вернуть, сейчас остается только найти преступника, чтобы он понес суровое наказание.

– А почему вы говорите «преступник», он был один? – всхлипнула она. – Папа был сильный, одному человеку он бы себя в обиду не дал.

– Все может быть, ничего нельзя исключить, – повторил оперативник, продолжая держать девушку за руку. – Но на первый взгляд, в гараже нет следов борьбы, просто в него выстрелили с близкого расстояния.

– В папу выстрелили?! – охнула она и разразилась рыданиями: – Бедный, бедный папочка мой, как страшно все это!

Тут в дверях появилась хозяйка, при виде которой Каприн спешно отпустил руку девушки и присел на свое место.

– Что случилось, Маша, почему плачешь? – спросила женщина, упираясь рукой за косяк двери.

Каприн, видя, как хозяйка еле держится на ногах, вскочил, чтобы взять ее под локоть, и предложил:

– Валентина Васильевна, присядьте, пожалуйста.

Когда женщина тяжело опустилась на кресло, дочь, всхлипывая, сообщила:

– Мама, его расстреляли.

Женщина с окаменевшим лицом выслушала страшную весть из уст дочери и тихо процедила сквозь зубы:

– Его убили те бандиты, которые на него наехали.

– А почему вы так думаете? – настороженно спросил оперативник. – Он что-то говорил про них, они продолжали его напрягать?

– В том-то и дело, что нет, – помотала головой хозяйка. – Говорил, что все проблемы улажены. Неужели Женя что-то скрывал от меня?

Громкий стук в дверь заставил вздрогнуть всех. Каприн направился в прихожую, на ходу бросив:

– Наверное, следователь. Я его встречу.

Это был действительно следователь в сопровождении Козлова, судебного медика и криминалиста.

– Допросил женщин? – поинтересовался Козлов у оперативника. – Что они говорят, есть ли у них какие-нибудь подозреваемые?

– Допросил, осталось внести их показания в протокол, – кивнул он. – А конкретных подозреваемых они не называют.

– Давай, внеси побыстрее, – распорядился руководитель, – а мы тем временем проведем осмотр квартиры.

– Нужно осмотреть и машину потерпевшего, она стоит во дворе дома, – подсказал оперативник.

– Обязательно осмотрим, как раз хотел поинтересоваться у хозяйки, имеется ли у них машина.

Когда следственно-оперативная группа закончила работу,

наступило утро, на улице стали появляться первые прохожие.

Прежде чем покинуть квартиру, Каприн взял девушку за руку и пообещал:

– Маша, я тебе позвоню. Надо будет уточнить кое-какие детали.

Она молча кивнула головой.

5

На утренней планерке Козлов, подняв Каприна и Сологубова, сообщил:

– Вот и представляется возможность снять с вас наказания. Раскроете – напишу ходатайство перед начальником. А теперь езжайте в морг, в десять начинается вскрытие трупа.

– Расскажи, что за труп, – попросил Сологубов, когда оперативники на маршрутном автобусе следовали в бюро судебно-медицинской экспертизы. – И, кстати, почему не поднял меня ночью?

Каприн был не только старше Сологубова по возрасту, но и старше по званию и должности. Последний пришел в милицию два с половиной года назад и сразу попал под крыло Каприна, они подружились и стали неразлучными напарниками. Обычно на ночные убийства дежурный по городу под-

нимал их обоих, но в этот раз Сологубова не побеспокоили, что и вызвало его недоумение.

– Козлов выехал на место происшествия лично сам, поэтому я не стал тебя поднимать, – ответил опер. – А про убийство и сказать-то особо нечего: фамилия потерпевшего Шамаев, он коммерсант, торговал аппаратурой. Вечером, примерно в девять-десять часов приехал домой и, оставив машину во дворе, почему-то направился в гараж, который он использовал в качестве склада, где его в это же время и убили. Замок гаража целый, значит, он открыл его сам. У него огнестрельное ранение в левый глаз, выстрел с близкого расстояния, дробь пошла кучно. Возможно, из обрезка... Скорее всего из обрезка.

– Чистейший глухарь, – задумчиво проговорил напарник и спросил: – Родные кого-нибудь подозревают?

– Есть над чем работать. Примерно месяц назад на Шамаева наезжала группировка Чепика. Но тут подключились «воры в законе» и от него отстали...

– Фьють, это что за такой барыга, что за него подпрягаются «воры»?! – удивленно свистнул Сологубов. – И где он нашел этих авторитетов преступного мира? У нас ведь их нет, «воров» этих.

– Во Владике у него друг, который поставляет аппаратуру, он и подсуетился. У него там фирма «Альянс», которая, очевидно, под «ворами в законе».

– Даа, дела все круче и круче, – покачал головой опера-

тивник. – Какие у нас планы, с чего начнем?

Каприн, немного подумав, распорядился:

– После морга я пойду домой, приведу себя в порядок, немного посплю, а тебе надо сделать следующее: собери ребят, возьми участковых и организуй поквартирный обход дома, где проживает семья Шамаевых, а сам смотайся к нему на работу и поговори с продавцами. К тому времени, как ты все это сделаешь, я уже прибуду на работу, и начнем думать, как накрыть нам банду Чеписка. Пока все, а дальше будет видно... Ах да, забыл – надо обязательно созвониться с операми Владивостока, чтобы выдернули этого друга с «Альянса» и подробно поговорили.

Вскоре напарники стояли за секционным столом морга, где лежал оголенный труп Шамаева. Осмотрев голову потерпевшего, патологоанатом продиктовал своему ассистенту:

– На лице со стороны левой щеки и надбровья наблюдаются следы опаления...

Тут же отвлекшись, он обратился к оперативникам:

– Скорее всего, следы от дымного пороха. Имейте это в виду. Кстати, кто из вас выезжал на место убийства?

– Я, – ответил Каприн.

– Вы не ощутили там запах сероводорода? Он долго остается в закрытом помещении.

– Не заметил, – помотал оперативник головой. – Может быть, и было, только я не задавался целью принимать.

– А вот это зря, – укоризненно покачал головой патоло-

гоанатом. – Вы же сыщик, ищейка, и должны подключать к поиску преступника, в том числе, и нос. Был случай, когда по запаху мы нашли тщательно упрятанный в лесу труп.

– Будем иметь это в виду, – рассмеялся оперативник. – Есть у нас опер, который по запаху нашел ящик копченой рыбы.

– Вот, вот, так и надо действовать, – в ответ улыбнулся эксперт и объявил: – Давайте, приступим к трепанации черепа и посмотрим, что там находится внутри.

Быстро расправившись с черепом покойного с помощью пилы и стамески, он вывалил его содержимое на секционный стол.

Изучив пустой череп и покопавшись скальпелем в кровавой субстанции на столе, патологоанатом сообщил:

– Вся дробь находится внутри черепа. Это о чем говорит? Заряд оружия был слабый, он не смог пробить череп. Скорее всего, это был обрез охотничьего ружья, заряженный дымным порохом...

Тут эксперт наклонился над бесформенной массой, которая когда-то была мозгом человека, пинцетом извлек оттуда нечто окровавленное и потряс перед лицом оперативников:

– Пыж из газетного листа. Если вам повезет, там будет номер дома, куда доставили газету.

– Ух ты, уже ближе к делу! – обрадованно воскликнул Каприн. – Я сталкивался с таким случаем и могу с уверенностью сказать, что гильза была металлической.

– Ну как вам сказать, – покачал головой судебный медик, – есть индивиды, которые заряжают бумажную гильзу пыжом из газеты. Но вы правы, даю девяносто девять и девять процентов, что была железная гильза.

Далее эксперт собрал всю дробь, посчитал поштучно, взвесил на весах, затем посмотрел на таблицу, которую ему подал ассистент, и уверенно заявил:

– Столько дроби номер три помещаются в гильзе двадцатого калибра. Ну, на всякий случай, можно иметь в виду и шестнадцатый калибр, в таком случае там дроби было чуть более половины, чем положено.

– Уже что то, – удовлетворенно заметил оперативник. – Ищем обрез двадцатого или шестнадцатого калибра с металлическими гильзами и запахом дымного пороха.

– Вот, вот, о чем я и говорил, – хохотнул медик. – Нюх в нашем деле имеет наиважнейшее значение.

Далее ничего интересного при исследовании трупа не было получено, и на прощание патологоанатом, докуривая сигарету, которую он аккуратно придерживал кончиками пальцев, облаченными в окровавленную латексную перчатку, сообщил:

– Пыж из газеты я отправлю криминалистам. Теревите их, чтобы они выудили оттуда максимальную информацию.

В автобусе, расставаясь с Сологубом, Каприн напутствовал:

– Надеюсь, вечером будет какая-нибудь информация. Для

обхода квартир собери побольше народа, обратись к начальнику участковых инспекторов, чтобы всех свободных милиционеров задействовали в этой операции. Ни пуха, ни пера!

– К черту! – с улыбкой бросил Сологубов, выходя из автобуса.

Дома находилась бабушка, довольно бойкая старушка восьмидесяти лет, которая встретила внука ворчанием:

– Опять заставляли трудиться ночью. Это что за такая работа, что людям не дают покоя ни днем, ни ночью?

– Все нормально, бабушка, никто не заставляет меня что-то делать, такова моя служба, – бодро ответил Каприн и, поцеловав бабушку в щеку, поинтересовался: – Мама на работе?

– А где же еще, нормальные люди работают днем, – усмехнулась старушка и приказала: – Давай иди в комнату, переоденься в чистое и садись за стол.

Поев, он лег на кровать и долго лежал с открытыми глазами. Перед его мысленным взором все время стояла Маша, ее прекрасные глаза увлекали и манили, он всецело находился в чарующей власти своей новой знакомой.

«Что это со мной происходит? – думал он, погружаясь в дремотное состояние. – Такие чувства испытываю впервые... Маша – моя судьба?»

Он не заметил, как грезы унесли его в сонное царство.

К концу дня Каприн появился на работе и по оживленной толкотне в кабинете понял, что мероприятия по обходу до-

ма закончились недавно: за столом сидели несколько милиционеров, которые писали рапорты, а некоторые сотрудники уже расходились после отчета о проделанной работе.

Увидев своего напарника, Сологубов обрадованно воскликнул:

– О, Сеня, ты уже пришел! Сейчас расскажу, что мы добыли на сегодня.

– Интересно будет послушать. Давай, излагай по порядку!

– Значит так, – начал оперативник, попыхивая папиросой. – Организовал поквартирный обход дома, где задействовал пятнадцать сотрудников, а сам съездил на работу потерпевшего. Там находилась одна продавщица, которая объяснила, что вчера она закончила работу в восемь вечера. Хозяин приходил к концу рабочего дня и забрал три с половиной тысячи рублей дневной выручки. Ничего особо не говорил, настроение у него было как обычно, даже немного приподнятое. Узнав, что его убили, продавщица очень испугалась, сказала, что не знает, кто это мог сделать. О наезде бандитов она ничего не знает. Нашел вторую продавщицу и поговорил с ней, но ничего интересного она не рассказала, кроме того, что видела бандитов, когда те приходили в магазин. В это время Шамаев как раз находился в магазине, бандиты разговаривали с ним вежливо, после их ухода хозяин сильно расстроился, но через два дня решил проблему – бандиты приходили вновь и извинились перед ним.

– Понятно, что ничего не понятно, – досадливо прогово-

рил Каприн и попросил: – А теперь расскажи, что дал обход квартир.

– По обходу есть кое-что интересное. Одна гражданка из восемнадцатой квартиры где-то в полдесятого вечера за домом выгуливала собаку и видела несколько человек, которые стояли возле гаража Шамаевых. Она из первого подъезда, тем не менее, хозяина гаража знает в лицо, но не уверена, был ли он среди этих людей, так как сильно не приглядывалась. Нашли еще одну женщину из пятидесят пятой квартиры. Она из окна своей квартиры видела, как к хозяину вишневой машины подошли двое или трое парней и о чем-то разговаривали. Эта женщина часто выглядывала в окно, так как ждала своего супруга. Что было дальше с хозяином вишневой машины, куда он ушел, она не видела. Вот и все, остальные жильцы ничего подозрительного не заметили. И да, поговорили с жильцами, которые живут над гаражом на предмет того, слышали ли они звук выстрела – голый номер, никто ничего не слышал. Очевидно, выстрел был при закрытых воротах.

– Не густо, – промолвил Каприн и, посмотрев на часы, взялся за телефон: – Пока еще не поздно, надо позвонить во Владик.

Передав задание владивостокским сыщикам, он растянулся на кресле и, позевывая, проговорил:

– Что ж, начинаем с чепиковских. Больше и не за что пока взяться.

К полуночи костяк группировки Чепика был задержан и помещен по камерам городских отделов и отделений милиции. Проведенные обыски по местам жительства задержанных дали неплохой результат: были обнаружены и изъяты две гранаты РГД-5, незарегистрированная винтовка Мосина с оптическим прицелом, в народе прозванная «трехлинейкой», обрез из одноствольного охотничьего ружья двенадцатого калибра, пара портативных раций небольшого радиуса действия и прочий «джентльменский» набор бандита-рэкетира, как то: бейсбольные биты, утюг, холодное оружие, балалайки, нунчаки и разная дребедень, не заслуживающая особого внимания.

Самого Чепикова взяли с его «правой рукой» в одном из ресторанов города, и вскоре он сидел в кабинете у оперативников, массируя отекавшие руки, которые были чрезмерно сильно стянуты наручниками при задержании. Прежде чем поговорить с преступным авторитетом, Каприн попросил всех оперативников покинуть кабинет, поскольку задержанный при посторонних лицах мог не раскрыться до конца и не выдать нужные сведения.

– Ну что, Чепик, наконец-то пришел твой конец, – со зло-

вещей ухмылкой начал оперативник. – Теперь-то ты у меня не отвертишься.

– За что, гражданин начальник? – сделал удивленное лицо задержанный. – Ничем криминальным давно уже не занимаюсь, дружу с законом, чту уголовный кодекс.

– А то, что у братвы твоей изъяли гранаты и снайперскую винтовку с обрезом – этого недостаточно? Ты уже обеспечил себе срок, а дальше – больше. Докажем и более тяжкие преступления.

Чепик оторопел от такой вести и, набычившись, процедил сквозь зубы:

– У кого изъяли, тот пусть и отвечает, при чем тут я, это не мое. А насчет более тяжкого преступления – вы сначала докажете, а потом бросайтесь такими словами. Нет за мной никакого преступления, так что не теряйте время даром.

– Как это нет? – нарочито громко расхохотался оперативник. – Уже есть за тобой преступление, за что ты получишь лет так семь, а там докажем и убийство. Так что картина Репина «Приплыли» – это про тебя.

– Эээ, начальник, вы о чем? – забеспокоился авторитет. – Какое убийство, где? Никого я не убивал, мокрыми делами никогда не занимался.

– Знаю, что не мокрушник, но времена меняются, меняется и человек, – насел на него оперативник. – Ты наехал на коммерсанта, торгующего аппаратурой, а потом убил его. У нас свидетелей выше крыши, сядешь надолго или расстреля-

ют, как бешеную собаку.

– К-к-кого это убили? – заикаясь от неожиданности, поинтересовался бандит. – Шамаева? Его убили? Когда?

«Вроде бы искренне испугался, – подумал оперативник, наблюдая за реакцией бандита. – Неужели не они? Тогда кто? Что ж, продолжим его пытаться».

– Да, сначала ты наехал на него, требовал себе долю от его бизнеса, а затем прикончил, – тоном, не терпящим возражений, высказал Каприн. – И уговоры «воров в законе» тебе не указ, пошел против их воли, так что ты в любом случае мертвец – мы не сможем доказать, они докажут и ухо тебе отрежут, прежде чем прикончить.

– Вы не шутите? – по-настоящему испугался Чепик. – Если Шамаева убили, то это не мы. Мамоёй клянусь... да что мамой, детьми клянусь, что это не наших рук дело. Да, пытались наехать, да, хотели, чтобы поделился бизнесом, как никак торгует на нашей территории, но чтобы убивать...

– Кто звонил с Владика и ходатайствовал за него? – перебил Чепика оперативник.

– Звонили с Комсомольска от Киселя.

– Кто он такой, чтобы распоряжаться в нашем регионе?

– Вы же знаете, кто он такой, – усмехнулся авторитет. – «Вор».

– Допустим, знаю. Он что, имеет влияние на наших преступников, вроде тебя?

– Я не преступник, а предприниматель, – мотнул головой

Чепик. – Ранее неправильно выразился: на Шамаева мы не наезжали, а предлагали ему охрану, естественно, за определенную цену. Все на законных основаниях, составили бы договор, взяли бы под охрану его объект, а самого бы оберегали от хулиганов всяких. Ничего криминального.

– Ага, нашлись благодетели, – не выдержав, рассмеялся Каприн. – И вашим благородным планам помешал «вор в законе» по кличке Кисель, который держит общак, куда вы, криминал Дальнего Востока, отстегиваете из своего темного дохода. Только одного не учли, что Шамаев напрямую платил этому Киселю, а вы тут с боку припеку. Ох, не поздоровится вам сейчас: несмотря на предупреждения дона Карлеоне, вы убили его дойную корову.

– Да не убивали мы его! – отчаянно крикнул авторитет. – Давайте, вместе разберемся, кто его мог прикончить, найдем этого гада и призовем к ответу!

– Хочешь оказать нам услугу? – хитро улыбнулся оперативник. – Что ж, добровольные помощники нам нужны.

«Нет, не их это рук дело, – все более убеждался Каприн. – Значит, другие бандиты, возможно, беспредельщики из молодежи – вон, какая поросль преступников, не признающая никого, всходит вокруг бурным цветом».

– Не вам услугу, а Киселю, – помотал головой Чепик. – Его людям будет интересно знать, кто посмел им перечить.

– Значит, клянешься детьми? – переспросил его опер. – Сколько их у тебя?

– Двое. Мальчик и девочка.

– Дети – это святое, – соглашаясь, покивал оперативник и поинтересовался: – Сам-то что думаешь – кто убил Шамаева? Может быть, твои без ведома тебя?

– Это исключено, мои беспределом не занимаются... А мало ли сейчас бандюганов? Любой мог. Мы против Киселя никогда не пойдем.

– И что ты предлагаешь? – еле сдерживая смех, улыбнулся Каприн. – Одеть повязку дружинника и шариться с нами в поисках убийцы?

– Упаси господи! – перекрестился авторитет. – Отпустите меня, а я, в свою очередь, если что-то узнаю, обязательно цинкану. Это в моих интересах. Но одно условие – об этом никто не должен знать.

«Верующий, – про себя усмехнулся Каприн, невольно вспомнив свои злоключения в церкви с Батюшкой. – Что-то бандиты стали креститься... А не пора ли и нам стать поближе к Богу?»

– Условия тут ставлю я, – строго заметил оперативник и осведомился: – А как же гранаты, винтовка, обрез? Кто за это будет отвечать?

– Я найду, кто... – призадумался Чепик и, осененный чем-то, ответил: – Валеев, он самый молодой, пусть и грузится, я ему об этом скажу. Колония пойдет ему только на пользу, а то слишком уж горяч.

– Значит, в обмен на освобождение ты предлагаешь мне

помощь в раскрытии убийства? – уточняяще спросил опер. – А где гарантия, что не обманешь?

– Клянусь детьми.

– Да ты не тыкай детей куда ни попадя, грешно это для тебя, верующего человека, – нахмурился Каприн. – Достаточно будет дать мне честное мужское слово. Лады?

– Спасибо за детей, – растроганно проговорил Чепик. – Вот вам моя честная рука, обещаю сделать все возможное, чтобы найти подонка, который убил того барыгу.

Вскоре после того, как за Чепиковым закрылась дверь, в кабинет зашел Сологубов и удивленно спросил:

– Сеня, ты его отпустил?

– Отпустил, Володя, отпустил.

– Почему?

– Это не они, не будем на них тратить время.

– А как же гранаты? Винтовка с оптикой?

– Все это возьмет на себя Валеев. Он же среди задержанных?

– Да, он в камере.

– Оставь его, а остальных через трое суток выпустим. А завтра организуй встречу Чепика с Валеевым, чтобы последний все взял на себя.

– Так что случилось? – развел руками Сологубов. – Хоть проверили бы их по другим преступлениям.

– Вот проверим за трое суток, а если ничего не найдем, то всех, кроме Валеева, отпустим. Чепик обещал нам помочь в

раскрытии убийства.

– Ты ему поверил? Чем он обосновал свою преданность?

– Поклялся детьми, а их у него двое.

– Дети – это серьезно, – кивнул Сологубов. – Думаешь, что поможет?

– Если узнает кто убийца – поможет. Я в этом уверен.

– А все не зря, – наконец улыбнулся Сологубов. – Как-никак сегодня приобрели классного осведомителя, а то одни бичева да бродяги, пользы от них, как от козла молока.

Прежде чем уйти домой, Каприн долго сидел за столом, вспоминая свою новую знакомую. Им овладело непреодолимое желание вновь встретиться с ней, взять ее за руку, посмотреть в глаза... Подняв трубку телефона, он повертел ее в руках и, решившись, набрал номер. Когда на том конце провода послышался голос Маши: «Алло», он, унимая учащенное сердцебиение, поздоровался:

– Маша, здравствуй, это я, Семен. Ты не спишь?

– Нет, не спим. С мамой и тетей смотрим домашний альбом, подбираем фотографию для памятника.

– Сегодня был в морге, присутствовал при вскрытии твоего отца. Как и предполагалось, в него выстрелили из обрез.

Девушка долго не отвечала, в трубке было слышно ее всхлипывание. Наконец она дрогнувшим голосом спросила:

– Его не мучили, он умер сразу?

– Да, смерть была моментальной.

– Бедный папа... – девушка вновь заплакала.

Подождав, когда она успокоится, Каприн спросил:

– Маша, похороны когда?

– Послезавтра.

– Все готово?

– Да, практически.

– Я тебе позвоню после похорон.

– Хорошо... Как думаешь, Семен, преступника найдут?

– Найдем, – заверил ее оперативник. – Он ответит за содеянное.

Положив трубку, Каприн с теплотой подумал о девушке: «Назвала на «ты», да еще и по имени!»

7

На следующий день состоялось совещание, где присутствовал весь личный состав городской милиции. Начальник милиции Немоляев, немолодой полковник, заставший еще Хрущева, заслушав доклад уже исполняющего обязанности начальника уголовного розыска Козлова, где он среди прочего упомянул о задержании группировки Чепикова, укоризненно покачал головой и строго отчитал руководителя:

– Почему в городе бардак? Люди разгуливают по улицам с гранатами и снайперскими винтовками, а уголовный розыск прохлаждается. А ведь я давно указываю на то, чтобы акти-

визировали работу с преступными группировками...

Тут, мгновенно вскипев от негодования, начальник грозно помахал пальцем и выдал следующее:

– Я не позволю вам лоббировать здесь мои приказы, те, кто не хочет их выполнять, будут строго наказаны!..

Россия переживала не лучшие дни в своей истории. В страну бесконечным потоком завозились не только «ножки Буша»* (куриные окорочка из Америки), но и иностранные слова, которые прочно укоренялись в лексиконе вчерашнего советского человека. Например, слово «лоббировать» всего-навсего по-русски означает «отстаивать интересы», но для простого обывателя оно режет слух, воспринимается человеком отрицательно, как противодействие чему-либо. Вот поэтому начальник милиции, желая показать себя эрудированным человеком, идущим в ногу со временем, использовал это слово для экспрессивной окраски своих угроз, хотя, на самом деле, ему следовало бы поощрить тех сотрудников, которые лоббируют его приказы.

После совещания Козлов, собрав личный состав уголовного розыска в своем кабинете и, давась от смеха, пригрозил всем пальцем:

– Вы прекратите лоббировать мои указания, иначе все для вас закончится очень плачевно!

Половина сотрудников расхохоталась, а вторая половина, недоуменно поглядывая то на Козлова, то на своих коллег, гадала, над чем же смеются люди. Когда им объяснили смысл

слова, смеялись и они.

Наконец, выпустив пар и посерьезнев, Козлов поднял Каприна:

– Семен, доложи, как продвигается работа по раскрытию убийства Шамаева.

– Были в морге, огнестрельное подтвердилось, – начал свой доклад оперативник. – Выстрел произведен скорее всего из обреза двадцатого калибра, порох дымный. Провели поквартирный обход дома, где проживает семья Шамаевых. Обнаружены два свидетеля, которые видели потерпевшего в компании мужчин. На работе у Шамаева ничего интересного не добыли, кроме того, что на него наезжали бандиты из группировки Чепика. Вытащили всю группировку этого преступного авторитета, изъяли гранаты, винтовку, обрез и так далее...

– Давай, тут остановимся поподробнее, – прервал оперативника руководитель. – Видишь, как разоряется начальник, что бандиты ходят по улице с гранатами и винтовками. Откуда все это у них и что собираетесь делать с бандой?

– Гранату и винтовку с оптикой им продал неизвестный мужчина. Один из членов группировки по фамилии Валеев дает об этом показания. А с остальными еще разбираемся.

– А куда дели Чепика?

– Освободили.

– Почему? – удивился Козлов.

– Отпустили в целях оперативной необходимости, об этом

я отдельно доложу вам рапортом. Да и не за что было его задерживать.

– Давай, жду подробного доклада, – озадаченно проговорил руководитель. – Как бы не попасть под раздачу из-за твоей «оперативной необходимости».

– Не попадем, я все предусмотрел, – заверил его оперативник.

В конце совещания Козлов, прежде чем распустить сотрудников, вновь повеселил всех:

– Смотрите, не лоббируйте мне приказы!

Ближе к обеду позвонили с Владивостока. На том конце провода был заместитель начальника краевого управления Арнольд Александрович Шеметов, который сообщил следующее:

– Фирма «Альянс» занимается поставками музыкальной аппаратуры и бытовой техники импортного производства из Японии и Южной Кореи. Руководителем фирмы является Сафронеев Георгий Максимович. Он пояснил, что примерно месяц назад ему позвонил сослуживец по летному отряду Шамаев и сообщил, что на него наседают бандиты и требуют долю от бизнеса. Как выяснилось, над Сафронеевым покровительствует «вор в законе» Кисель, и бизнесмен систематически отчисляет ему деньги для «общака». После звонка Шамаева Сафронеев обратился к Киселю, и через день проблема была улажена. Убедившись в могуществе Киселя, Шамаев высказывал намерения платить ему в «общак» на-

прямую.

– Чуточку не успел, – сокрушенно вздохнул Каприн. – Сейчас мы сидим и думаем, кто мог убить этого несчастного коммерса.

– Ищите у себя, там наши не замешаны, – посоветовал владивостокский милиционер. – Кисель серьезный товарищ, такими делами не будет заниматься.

– Это я понял до разговора с вами, – ответил ему оперативник. – Просто хотел уточнить, действительно ли так было. Теперь удостоверился, спасибо за информацию.

– Вам спасибо, – рассмеялся Шеметов. – Благодаря вашему звонку мы узнали связь Сафронеева с Киселем. Давно уже разрабатываем последнего, эта информация нам в дальнейшем, возможно, понадобится, чтобы отправить авторитета за решетку.

– Досаждает, Арнольд Александрович?

– Кисель? Конечно! – досадливо воскликнул Шеметов. – Организованная преступность твердой поступью идет по стране, а у нас даже нет статьи для них. Вот скажи мне, коллега, сколько у вас «воров в законе»?

– У нас их нет.

– Seriously? – удивился приморский сыщик. – Тогда вам легче. «Вор в законе» своими руками ничего не делает, все творят его подручные, «быки», «торпеды» и прочая сволочь. Так за что сажать этого «вора»? Не за что! Нужны законы об организации преступного сообщества.

– Я слышал, что вроде бы собираются внести этот закон, – заметил Каприн.

– Опаздываем, катастрофически опаздываем! – взревел в трубку Шеметов. – Скоро все «воры» уйдут во власть, некоторые уже там!..

Теперь надо было наведаться к криминалистам.

В экспертно-криминалистическом отделе Каприна встретил Николай Николаевич Николаев, старый милиционер, которого коллеги за глаза уважительно называли Три Николая. Пенсионера по возрасту и выслуге лет, его держали на работе из-за его феноменальной работоспособности и колоссальному опыту в области криминалистики. Появлялся он на работе в семь утра, в восемь заходил к начальнику и докладывал о проводимых экспертизах, хотя никто его к этому не обязывал, а в девять посещал общую планерку. Уходил он домой в девять вечера, чтобы в семь утра вновь быть на работе. Опера любили с ним работать, он мог часами копаться с ними в какой-нибудь блатхате, выискивая невидимые следы преступления. Однажды с его помощью раскрыли убийство человека, труп которого был обмотан скотчем и утоплен в воде. Николаев нашел на липкой стороне скотча отпечатки пальцев, по которым вышли на целую банду.

– Здравствуйте, Николай Николаевич! – поприветствовал эксперта оперативник. – Как ваше здоровье, как самочувствие?

– Вашими молитвами все хорошо, все по плану, – в ответ улынулся милиционер. – По какому делу решил провести старика?

– К вам из бюро судебно-медицинской экспертизы должен поступить пыж из газеты. Я бы хотел поподробнее узнать, что за газета, дата выпуска, возможное наличие адреса.

– Да, да, поступил, – закивал старый милиционер. – Дело не столь сложное, я уже разобрался...

Эксперт достал из шкафа клочок бумаги, распрямленный и помещенный между двумя прозрачными оргстеклами и протянул оперативнику:

– Вот посмотри, это не газета, а, по-моему, книга.

Содержимое листа бумаги частями было видно довольно отчетливо, и Каприн стал читать вслух:

–...подле мертвой...карман...которого она в прошлый... Ключи он тотчас же вынул; все... Странное дело: только что он начал... Ему вдруг опять захотелось бросить все... Ему вдруг почудилось, что старуха пож... Сомнения...мертвая... Он... пощупать...того...

С другой стороны листа дела обстояли гораздо хуже, все было залеплено кровью, остатками мозга и сажи, и оперативник смог прочесть только несколько слов:

– Господи!.. в испуге... золотые часы... листы... панталон...

– Николай Николаевич, почему вы думаете, что это книжный лист? – спросил эксперта опер. – На чем основываются

ваши догадки?

– А ты взглядишь, – ответил ему Николаев, протягивая лупу. – Внизу в правом углу просматривается номер страницы.

Оперативник взял лупу и углядел в правом нижнем углу бумаги цифру «63».

– Да, действительно книга, в газете нет столько страниц, – согласился Каприн и задался вопросом: – А, может быть, литературный журнал? Альманах какой? Судя по обрывистому содержанию, это рассказ или повесть, возможно и роман.

– Абсолютно верно, – кивнул эксперт. – Я постараюсь расшифровать все слова, но на это уйдет неделя.

– Неделя – это слишком долго, – покачал головой оперативник и попросил: – Николай Николаевич, одолжите, пожалуйста, мне этот обрывок бумаги на два дня.

– А зачем он тебе? – недоуменно осведомился эксперт.

– Схожу к одной библиотекарьше и ознакомлю с вещдоком. Она – ходячая энциклопедия, может быть, подскажет, какое произведение напечатано на листке.

– Ладно, возьми, – разрешил эксперт. – Даю тебе два дня, только верни обязательно в срок, мне надо доложить руководству.

Клавдия Васильевна Мальцева была родной тетей Капри-на, всю жизнь была связана с библиотечным делом, прекрасно разбиралась в литературе, знала почти все, что издается крупными тиражами в стране. Это она, имея связи среди преподавателей, в свое время помогла своему племяннику поступить в университет.

Каприн посмотрел на часы – время было обеденное. Не откладывая в долгий ящик задуманное, он решил посетить свою тетю, тем более не видел ее более полугода и знал, как она обрадуется его визиту. Оперативник знал, что она, как правило, обедает у себя на работе, поэтому надеялся за чашкой чая обсудить с родственницей возникшие вопросы.

Библиотека встретила его тишиной и сумрачной прохладой. Он по гулким коридорам добрался до кабинета Мальцевой и постучался в дверь. Услышав за дверью знакомый голос: «Войдите!», Каприн зашел в кабинет и оказался в объятиях своей тети.

– Семушка, здравствуй, дорогой мой! – радостно причитала женщина. – Какими судьбами, что тебя ко мне привело?!

Вдруг женщина осеклась и, отодвинув от себя племянника, встревоженно поинтересовалась:

– С матерью все нормально? Как бабушка?

– Да все нормально, тетя Клава, не беспокойтесь, – улыбаясь махнул рукой оперативник. – Все живы и здоровы, а я пришел к тебе совсем по другому поводу. Мне нужна твоя

консультация.

– И в чем же? – удивленно вскинула голову женщина. – Хочешь поступить в аспирантуру?

– Какая аспирантура, тетя Клава? – рассмеялся Каприн. – У нас нет аспирантуры. Я хотел посоветоваться с тобой насчет одного вещественного доказательства...

С этими словами он вытащил из папки клочок бумаги, притиснутый с двух сторон пластиком, и протянул женщине:

– Вот посмотри, там кусок от страницы какой-то книги.

Женщина осторожно, кончиками пальцев, приняла вещь, пригляделась и воскликнула:

– Боже, там же кровь!

– Не только кровь, но и мозги, – с шутливой улыбкой пояснил оперативник. – Это пыж с убийства.

Быстро всучив вещдок обратно в руки племянника, Мальцева вытерла руки о платье:

– Ужас, ужас, ты что мне всякие гадости несешь, да еще и перед обедом! Весь аппетит отбил!

– Я готов в сию же минуту приступить к еде вместо тебя, – расхохотался Каприн, – очень голоден и, когда шел сюда, рассчитывал чем-то поживиться за счет любимой тетушки.

Немного придя в себя, женщина указала оперативнику:

– Садись за стол, сейчас накормлю. Только за столом ничего про работу не говори, а то меня сейчас вырвет. После объяснишь все.

Удачно отобедав, оперативник приступил к делу и, подробно рассказав про убийство Шамаева, попросил:

– Тетя Клава, я оставляю тебе этот кусок бумаги. Постарайся определить, с какой книги вырвана страница.

– Нет, нет, не оставляй мне ничего! – отчаянно помахала руками женщина. – Я запомню, я выпишу все читабельные слова, мне этого достаточно. А эту вещь заberi с собой, мне хватит тех шорохов и топаний в соседних помещениях, когда вечерами задерживаюсь на работе.

– Топают? – улыбнулся оперативник. – Привидения?

– Не знаю, не знаю, но что-то такое есть, – покачала головой Мальцева, – возможно, и привидения.

– Страшно тут вас, – рассмеялся Каприн. – Я думал, что у нас на работе жуть, а тут, оказывается, тихий ужас!

– Ничего, ничего, я уже привыкла, – наконец улыбнулась женщина и протянула руку: – Дай посмотреть твое вещественное доказательство.

Не прошло и минуты после того, как женщина начала изучать бумагу, она резко воскликнула:

– Так это же Достоевский! Его роман «Преступление и наказание»!

– К-как, так быстро?! – оторопел оперативник. – Точно Достоевский?

– Да он же, – уверенно подтвердила она. – Сцена убийства старухи.

– Фьють! – удивленно свистнул опер. – И там убийство!

Мальцева вскочила на ноги и, на ходу бросив: «Я в хранилище за книгой», направилась к двери.

Вскоре она появилась, держа в руке книгу в желто-сером переплете.

– Вот, шестой том полного собрания сочинений Федора Михайловича Достоевского, – торжествующе сообщила она, – «Преступление и наказание», Издательство «Наука», семьдесят третий год, Ленинград!

– Вот это да, ты, тетя Клава, настоящая волшебница! – воскликнул оперативник. – Давай посмотрим шестьдесят третью страницу.

Он взял в руки книгу и, открыв нужную страницу, мельком пробежался по тексту, удовлетворенно цокнул языком и прочитал вслух часть произведения:

«Он положил топор на пол, подле мертвой, и тотчас же полез ей в карман, стараясь не замараться текущею кровию, – в тот самый правый карман, из которого она в прошлый раз вынимала ключи. Он был в полном уме, затмений и головокружений уже не было, но руки все еще дрожали. Он вспомнил потом, что был даже очень внимателен, осторожен, старался все не запачкаться... Ключи он тотчас же вынул; все, как и тогда, были в одной связке, на одном стальном обручке. Тотчас же он побежал с ними в спальню. Это была очень небольшая комната, с огромным киотом образов. У другой стены стояла большая постель, весьма чистая, с шелковым, наборным из лоскутков, ватным оде-

ялом. У третьей стены был комод. Странное дело: только что он начал прилаживать ключи к комоду, только что услышал их звяканье, как будто судорога прошла по нему. Ему вдруг опять захотелось бросить все и уйти. Но это было только мгновение; уходить было поздно. Он даже усмехнулся на себя, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову. Ему вдруг почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще может очнуться. Бросив ключи, и комод, он побежал назад, к телу, схватил топор и намахнулся еще раз над старухой, но не опустил. Сомнения не было, что она мертвая. Нагнувшись и рассматривая ее опять ближе, он увидел ясно, что череп был раздроблен и даже сворочен чуть-чуть на сторону. Он было хотел пощупать пальцем, но отдернул руку;»

– Все слова, которые имеются на клочке бумаги, присутствуют здесь! – радостно воскликнул оперативник, – Теперь посмотрим с обратной стороны!

Найдя искомое место и, сверив с текстом на странице, бумага которой послужила преступнику в качестве пыжа, он стал читать:

«Господи! С ума, что ли, я схожу?» – подумал он в испуге. Но только что он пошевелил это тряпье, как вдруг, из-под шубки, выскользнули золотые часы. Он бросился все перевертывать. Действительно, между тряпьем были перемешаны золотые вещи – вероятно, все заклады, выкупленные и невыкупленные, – браслеты, цепочки, серьги, булавки и проч.

Иные были в футлярах, другие просто обернуты в газетную бумагу, но аккуратно и бережно, в двойные листы, и кругом обвязаны тесемками. Нимало не медля, он стал набивать ими карманы панталон и пальто, не разбирая и не раскрывая свертков и футляров;»

Бросив книгу на стол, Каприн обнял и прижал к себе Мальцеву, говоря слова благодарности:

– Дорогая моя тетя Клава, ты даже не представляешь, какую услугу оказала уголовному розыску! Спасибо тебе! Когда я шел сюда, был уверен, что ты поможешь мне!

– Да ладно благодарить меня, – засмушалась растроганная женщина. – Это же школьная хрестоматия. Обратился бы к любому девятикласснику, и он бы быстро расшифровал твои тайнописи.

– В том-то и дело, что я тоже изучал в школе Достоевского, – рассмеялся опер, – но ты же знаешь, какой я был ученик. Если бы не ты, я бы сейчас сидел за штурвалом трактора или грузовика.

– Все профессии хороши, не зазорно быть трактористом или машинистом, – поучающе произнесла женщина. – Не каждому же иметь диплом, а самообразованием должны заниматься все, даже рабочие самой низшей квалификации. Вот ко мне ходит один слесарь-сантехник, который мечтает поступить в институт. И поступит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.